

В таком же роде делаются и другие сокращения: в них заметно, кроме стремления уменьшить объем подлинника, намерение сократить количество батальных сцен, почему опускаются последовательно второстепенные, по мнению нового редактора, отдельные эпизоды, например, о Зустунее, взявшем на себя защиту наиболее слабых мест стены и с успехом некоторое время исполнявшем эту задачу (447), о неудаче стрельбы из большой пушки после починки ее обручами (449), отзыв Магомета об «охрабрившихся гаурах» (452) и мн. др. Наконец, изменяя таким способом свой оригинал, составитель Степенной книги позволяет себе перестановки в тексте, делающие, правда, иногда несколько более последовательным изложение; таково, например, перенесение эпизода посылки на Запад и к братьям за помощью и прибытия Зустуея с кораблями — эпизода, находящегося в повести после описания первого приступа (447), — к началу рассказа после сообщения об отсутствии в городе собрания людей и братьев царя (445), т. е. до начала самой осады города.¹

Что же касается общей концепции составителя извлечения из повести (или последнего из редакторов Степенной книги) относительно смысла, который он вкладывал в повесть (или принял, найдя его в своем оригинале), то концепция эта осталась в общем неизменной. Та же провиденциально-поучительная тенденция религиозного характера сквозит и в сохраненных сокращенным текстом местах, внешним следом чего являются сохраненные и теперь «богомоления», ссылки на «пророчества» с именами Мефодия и Льва Мудрого и самый конец повести с его утверждением, что если часть «пророчеств» исполнилась, то и остальные должны исполниться (а к ним он относит и будущую роль «русского рода»). Остались в сокращенном тексте частью и размышления автора повести о неизбежности гибели Царьграда за «грехи наша» и «беззакония».²

Оценивая переработку повести о взятии Царьграда в составе Степенной книги как памятник литературный, необходимо подчеркнуть, что здесь почти целиком выветрился первоначальный характер «воинской» повести. Батальные сцены и описания подверглись сильным сокращениям. Следы специальной стилистики этого жанра сохранились лишь как остаточные признаки и по количеству перестали определять поэтику повести в целом. В составе Степенной книги повесть о взятии Царьграда вошла в круг тенденциозно-исторических повестей XVI века.

Этот характер переработки совершенно закономерен. Вспомним, что Степенная книга — в первую очередь официальный религиозно-публицистический памятник, созданный с целью укрепить союз самодержавия и церкви и возвеличить русское феодально-монархическое государство. В соответствии с этой задачей Степенной книги подверглась переработке хронографическая повесть о взятии Царьграда. Героическая воинская тема была в ней поэтому приглушена, а важная, по мнению составителя (или редакторов) Степенной книги, религиозно-политическая тенденция — размышления о причинах падения и возвышения царств — была выдвинута на первый план.

¹ Это, вероятно, вызвано влиянием «Иного перевода», где о посылке за помощью говорится в начале повести.

² Эти убеждения составитель даже как будто подчеркивает, прибавив (в начале повести) к сообщению о нарушении мира со стороны Магомета: «Понеже умножишася греси наши, во царех же и во князех и в боляех воздвижеся велие нестроение и межоусобные брани». Этого места не находится ни в хронографической повести, ни в «Ином переводе».